

Социальные последствия войн XVI – XVII вв. (рождение социально- политической специфики России)

Аннотация. Статья посвящена выявлению степени влияния войн XVI – XVII века на социальные процессы Московской Руси. Выявить эту степень довольно сложно из-за недостатка источников, где бы раскрывался механизм работы законодателя. Поэтому автор строит свою гипотезу на основе сопоставления времени появления ключевых нормативно-правовых актов, относящихся к социальной сфере, и наиболее тяжелых периодов во внешнеполитической истории страны. Историкографической основой исследования явились работы дореволюционных, советских и современных историков, посвященные военной и социальной истории. Основным методом является метод сравнения, позволяющий раскрыть динамику развития таких слоев как "служилые по отечеству", "служилые по прибору" и слоев, которые их обслуживали. На всех этапах развития отечественной историографии (дореволюционной, советской, современной) социальные слои и группы рассматривались отдельно друг от друга. Анализ же социальных процессов страны в целом показывает, что в течение XVI – XVII в. в социальной системе произошли существенные изменения: социальные отношения стали строиться не по европейскому (частноправовому) принципу, а по служебно-иерархическому. То есть, положение социального слоя или группы стало зависеть не от наличия и размеров частной собственности, а от места в государственной структуре: чем оно было выше, тем большим был объем льгот. Это не перечеркивало частную собственность вообще, но позиции этой собственности становились слабыми: государство лишило собственников политических и судебных функциями, и стало контролировать их экономические операции.

Ключевые слова: служилые по отечеству, служилые по прибору, социальные процессы, Московская Русь, крепостное право, Российская цивилизация, Русское войско, XVI в, XVII в, Россия.

Abstract. The article is focused on determining the degree of influence the wars of the 16th–17th centuries had on the social processes in Muscovite Rus. The detection of this degree is rather difficult due to the lack of sources, which would reveal the operational mechanisms of legislature. Consequently, the author constructs his hypothesis on the basis of comparing the date of appearance of key normative and legal acts, related to the social sphere, and the more difficult periods in the country's foreign policy history. The historiographical base of this research is the works regarding military and social history by pre-Revolution, Soviet, and modern scholars. The main research method is the comparative approach, which allows to identify the development dynamics of social groups, such as the service class people "by patronymic", service class people "by patronymic", and the groups that served them. On all stages of Russian historiography's development (pre-Revolutionary, Soviet, and modern) social strata and groups have been analysed separately from each other. The analysis of the country's social processes in general reveals that during the 16th–17th centuries the social system experienced significant changes: social relations began to be built not on the European (private law) principle, but on the service-hierarchical principle. That is, the position of a social stratum or group became determined not on its possession and size of private property, but on its place in the government system: the higher it was, the bigger was the volume of privileges. This did not rule out private property altogether, but the significance of that property weakened: the government deprived property-owners of political and judicial positions and began to control their economic transactions.

Key words: service class people "by patronymic", service class people "by device", social processes, Muscovite Rus, serfdom, Russian civilisation, Russian military, 16th century, 17th century, Russia.

То, что XVI в. в истории страны стал началом качественно нового периода в сравнении с периодом Удельной Руси у историков никогда не вызывало сомнения. Но, во-первых, признание этой специ-

фики, как правило, ограничивается анализом форм государства, а оно является лишь одним из политических институтов общества. Во-вторых, «Московская Русь» обрела такие черты в области политики, экономики и социальных от-

ношений, которые во многом сохранились и в последующем периоде. В социальной сфере эта специфика состояла в утрате всеми социальными слоями и группами своих гражданских прав.

В XVI – XVII вв. социальная система представляла собой множество социальных слоев и групп, не имевших четко выраженного юридического оформления. По подсчетам Г.Е. Комина в тот период законодатель использовал до 500 определений [1. С. 436 – 439]. В рамках исследуемой проблемы все многообразие тех слов можно сгруппировать в привычное «бояре», «крестьяне», «духовенство» и посадские (хотя реальность была бесконечно богаче).

На всех этапах развития отечественной историографии (дореволюционной, советской, современной) социальные слои и группы рассматривались отдельно друг от друга. Иногда это приводило к принципиальному искажению исторического процесса. Например, в советской историографии процесс закрепощения крестьян рассматривался как результате наступления на их права бояр и дворян, хотя и те, и другие утратили свои административные и гражданские права хронологически раньше. Эта изолированность в изучении социальных слоев и групп сохраняется и поныне.

Между тем, анализ социальных процессов страны в целом показывает, что к середине XVI в. в социальной системе произошли существенные изменения: социальные отношения стали строиться не по европейскому (частно-правовому) принципу, а по служебно-иерархическому. То есть, положение социального слоя или группы стало зависеть не от наличия и размеров частной собственности, а от места в государственной структуре: чем оно было выше, тем большим был объем льгот. Это не перечеркивало частную собственность вообще, но позиции этой собственности становились слабыми: государство лишило собственников политических и судебных функциями, и стало контролировать их экономические операции.

Немаловажным было и то, что в общении со всеми слоями населения, законодатель выбрал не диспозитивные, а императивные методы, и в качестве одного из основных способов решения всех проблем использовал уголовное право. Например, если в Судебнике 1497 г. казнь упоминается в одной статье, то в Судебнике 1550 г. – уже в шестнадцати.

Уголовных нововведений к середине XVI в. оказалось на редкость много:

- была введена коллективная ответственность родственников за совершенное преступление;
- казни и наказания (битые кнутом, палками, плетью) стали публичными;
- для наиболее опасных преступников была введена смертная казнь (простая – повешение, отрубание головы и квалифицированная – четвертование, сожжение);
- стала широко применяться пытка;
- появилось клеймение, отрезания ушей, носа, языка;
- появились ссылка и тюремное заключение.

Устрашение общества путем применения уголовного права стало одним из основных методов регулирования социальных отношений.

Такая трансформация произошла в силу целого комплекса причин частного и общего характера. К частным – относятся причины, вызвавшие изменения в жизни отдельных социальных слоев и групп. Например, наступление государства на права удельных князей и бояр во второй половине XV в. – первой половине XVI в. было предопределено логикой борьбы единого государства с социально-политическими институтами уходящего Удельного периода. Что касается общих причин, то на первую из них указали Б. Кобрин и А.Л. Юрганов. Они полагали, что «ход централизации опережал созревание ее предпосылок: наметившиеся тенденции развития (рост крупной феодальной собственности, экономические связи между землями) не были достаточны для объединения разрозненных княжеств под властью единого государя. И лишь необходимость противостояния Орде ускорила, форсировала этот процесс» [2. С. 60]. Но это слишком широкое (хотя и правильное) обобщение, не позволяет понять, почему именно во второй половине XVI в. социально-политическое положение всех слоев и групп изменилось.

Если расположить в хронологическом порядке нормативно-правовые акты этих слоев и групп, то их основной массив придется на 50-80-е гг. XVI в.

В силу места, которые бояре занимали в политической системе, первыми начали терять свои права именно они:

- сначала это проявилось в уменьшении возможности «отъезда» (т.е. свободного перехода со службы от одного князя к другому). При всем том, что и в Удельные времена бояре этим правом почти не пользовались, оно существовало. Во многих меж-

княжеских договорах XV в. отмечалось: «боярам и слугам межи нас вольным воля». Но уже в конце XV в. в московском княжестве «отъезд» стал рассматриваться как государственная измена. С 1474 г. с бояр стали брать «присяжные» записи с обязательством о «неотъезде». Право «отъезда» было перечёркнуто в 1534 г. (в случае отъезда боярин лишался своей вотчины);

- в 1550 г. бояре лишились финансовых льгот, которые раньше фиксировались в «тарханских грамотах». «Тарханских грамот, – говорилось в Судебнике Ивана IV, – впред не давати никому, а старые тарханские грамоты поимати у всех»;
- в 1556 г. были отменены «кормления».
- в 1562 г. служилые князья, а в 1572 г. бояре утратили право распоряжаться своими вотчинами. Отныне они не могли без разрешения государя передать их по наследству, продать, отдать за сестер в качестве приданого или передавать монастырю. Нарушение нового порядка влекло за собой конфискацию вотчин в пользу государства.

В жизни крестьян XV века наиболее крупное изменение внес Судебник 1497 г., ограничивший переход крестьян из одного места в другое «Юрьевым днем осенним». Затем последовал перерыв в несколько десятков лет:

- Судебник 1550 г. существенно усложнил крестьянский переход, увеличив плату за пожилое;
- в 1581 г. у частновладельческих, а в 1585 г. у государственных и дворцовых крестьян было отнято право перехода в отдельных регионах страны в «Юрьев день осенний»;
- первым актом, в котором многие историки видят установление крепостного права, считается указ 24 ноября 1597 г.

В отличие от дворян и крестьян, священники и монахи субъектами имущественных прав являлись, в качестве такого субъекта выступала церковь, с ним государство и боролось:

- первая более или менее удачная попытка конфискации земельных владений была предпринята царским правительством в 1551 г.: церковь сохранила свои земельные угодья, но увеличивать их было уже трудно: она лишилась возможности открывать впредь в городах новые слободы, приобретать новые земли (получать в дар или покупать) дозволялось только с разрешения царя;

- церковный собор 1573 г. запретил отказывать вотчины многоземельным монастырям;
- церковный собор 1580 г. запретил монастырям все способы увеличения земельных угодий, кроме отдельных малоземельных и безземельных монастырей.

В сравнении с другими социальными слоями и группами, посадские представляли собой мизерную группу. Поэтому изменение их социально-экономического положения явилось косвенным результатом решения государством других проблем. В ст. 91 Судебника 1550 г. говорилось: «А торговым людем городским в монастырей городских дворех не жити, а которые торговые люди учнут жыти на монастырех, и тех с монастырей сводити да и наместником их судити» [3]. Не позднее 1585 г. посадские оказались прикреплены к местам проживания.

Параллельно утрате гражданско-правовых свобод старыми социальными слоями, шел быстрый процесс формирования нового слоя – дворянства. Оно возникло еще в предшествующий период. Этапом в развитии дворянства стало «Уложение о службе» 1556 г., в котором были детально расписаны условия прохождения службы. Причем Уложение регламентировало не только обязанности самих дворян, но и членов их семей: вдовы, девицы и дети, «должны были выставлять вооруженных слуг, смотря по количеству четвертей земли, оставленной им на прожиток по смерти отца или мужа» [4. С. 422]. Несмотря на то, что дворянство в XVI в. превратилось в тот слой, из которого рекрутировались государственные служащие всех уровней, его нельзя считать правящим слоем. Он был политически безгласным и зависимым от государства в бытовом плане [5. С. 112].

Ключевой проблемой Московской Руси в то время было обеспечение внешней безопасности.

Внешнеполитическое положение резко ухудшилось в начале 20-х гг. XVI в. К 1521 г. сложилась антирусская коалиция в составе Крымского ханства, Казанского ханства, Ногайской орды и Великого княжества Литовского. В тот год, напавшая на Русь коалиция оказалась численностью до 100 тыс. человек,

Затем последовали:

- 1523 г. – два нападения Казани,
- 1524 г. – русский поход на Казань
- 1527 г. – нападение Крыма,
- 1530, г. – русский поход на Казань
- 1531 г. – нападение Крыма,

- 1533 г. – нападение Крыма, нападение Казани,
- 1534 г. – нападение Крыма,
- 1535, г. – нападение Крыма, четыре нападения Казани,
- 1536 г. – четыре нападения Казани,
- 1537 г. – нападение Крыма, нападение Казани,
- 1538 г. – нападение Казани,
- 1539 г. – нападение Крыма, нападение Казани,
- 1540 г. – три нападения Казани,
- 1541 г. – нападение Крыма, нападение Казани,
- 1542, г. – нападение Крыма, два нападения Казани,
- 1543, г. – нападение Крыма,
- 1544 г. – нападение Казани,
- 1545 г. – русский походов на Казань
- 1548 г. – нападение Казани,
- 1548–1550 г. – нападение Крыма,
- 1549 г. – нападение Казани.

В конце 40-х гг. царское правительство решило перейти к активной обороне. Прежде всего, изменилась политика в отношении Казанского ханства.

Это ханство уже не представляло для Москвы основной угрозы, но в соединении с Крымом, оно оставалось источником неисчислимых бед. Поэтому царское правительство отказалось от прежней шаткой политики закрепления казанского трона за своими ставленниками и решило раз и навсегда покончить с Казанью.

Первый казанский поход был организован в декабре 1547 г. – феврале 1548 г. Второй – в ноябре 1549 г. – феврале 1550 г. Третий – в апреле-июле 1551 г. Лишь четвертый поход увенчался успехом: ценой неимоверных усилий, на пределе мобилизационных возможностей страны, правительство собрало армию в 150 тыс. человек, и в октябре 1552 г. Казань пала. В 1554 – 1556 гг. – завоевано Астраханское ханство. С 1555 г. Московская Русь в отношении Крымского ханства заняло позицию активной обороны. Но, как справедливо отметил В.П. Загорский, «в рассматриваемое время Российское государство еще не предпринимало попыток реального выдвижения в пределы Поля» [6. С. 85 – 86]. Документы этого времени еще не позволяют говорить о начале российской государственной колонизации рассматриваемого региона [6. 85 – 86]. Это и не мудрено, так как победы были достигнуты ценой неимоверных усилий, на пределе мобилизационных возможностей государства.

Между тем, в 1554 г. началась русско-шведская война, в 1558 г. – Ливонская. Перемещением большого числа русских полков на запад вос-

пользовалось Крымское ханство и организовало новые нападения: 1558 г., 1559 г., 1560 г., 1561 г., 1562 г., 1563 г., 1564 г., 1565 г., 1567 г., 1568 г., 1570 г. 1571 г., 1572 г., 1586 г., 1587 г.

В этих условиях потребовалось, прежде всего, увеличить численность армии.

Армия состояла из поместной конницы (дворяне и дети боярские) и пехоты (стрельцы, казаки, татары и иностранцы-наемники). Ратный труд первых оплачивался поместьями, вторых – денежным окладом.

Наиболее скрупулезные исследования были проведены еще на рубеже XIX – XX вв. С.М. Середининым и Е. Гуляевым. Некоторые уточнения уже в советское время сделали А.В. Бородин и А.В. Чернов. По их общему выводу определить точное число русского войска довольно сложно из-за скудости источников. С. М. Середонин полагал, что в 60-70-е гг. XVI в. численность поместной конницы составляла тысяч 25 [7. С. 342]. По подсчетам А.В. Бородин [8. С. 147] и А.В. Чернова [9. С. 33, 92 – 93.] ее численность в отдельных случаях могла достигать в 50 тыс. человек.

Часть ратников из походов не возвращалась. Со временем, погибших отцов заменяли сыновья. Но если у ратников были дочери или не было детей вообще, то осиротевшие поместья доставалось незамужним дочерям и вдовам, а правительству приходилось набирать новых ратников, для которых требовалось найти новые поместья.

В течение первой половине XVI в. наблюдается интенсивный рост поместной системы. В 60-70-е гг. земельный фонд по-прежнему оставался безбрежным, но многие земли обезлюдели. Причин этой социальной и экономической катастрофы было несколько.

Первая – состояла в быстром росте территории страны. В 50-е гг., в результате разгрома Казанского и Астраханского ханств, к России были присоединены земли Среднего и Нижнего Поволжья. Приблизительно тогда же началось освоение русскими крестьянами территории Дона. Вскоре купцы Строгановы с помощью отрядов казаков начали освоение Сибири. Вслед за ними в Сибирь потянулись и крестьяне с посадскими. Катализатором бегства крестьян, безусловно, стала опричнина.

На основании анализа писцовых книг второй половины XVI в. С.М. Середонин сделал вывод: «у громадного большинства поместья ниже 200 четвертей земли» [10. С. 341]. Так же считал

Е. Гуляев. Нередко, писал он, из-за небольших размеров поместья, в дворян вообще не было слуг [11. С. 14]. В результате, в конце 70-х – начале 80-х гг. XVI в., «судя по всему, численность русского войска упала до самой минимальной отметки за весь рассматриваемый период» [12. С. ...]. Естественно, этот процесс следовало остановить, и правительство принимает ряд мер:

- указом 15 октября 1560 г. служилым людям предоставлялась льгота в виде оплаты долгов «без росту»;
- за счет остановки роста монастырского землевладения, увеличивается потенциальный поместный земельный фонд;
- в 1581-1582 гг. по всей стране в отдельных регионах на неопределённое время отменяется «Юрьев день» («заповедные лета»);
- в 1592-1593 гг. заповедные лета вводятся по всему государству.

Последние два решения от внешнеполитической ситуации 60-70-х гг. отстоят достаточно далеко. Однако нам не известен механизм подготовки нормативно-правовых актов XVI в. Законодатель не оставил ни подсказок, ни подготовительных материалов. Поэтому можно лишь предположить, что нормативно-правовые акты принимались с задержкой на годы.

Между тем, в первой половине XVII в. внешнеполитическая ситуация отнюдь не улучшилась:

- с 1610 г. по 1617 г. растянулась война со Швецией,
- с 1608 г. по 1618 г. – с Польшей,

В 1607 г. начался новый виток противостояния с Крымом. В 1609 году пришли в движение их основные силы. В 1633 г. на южные окраины Руси обрушилась объединенная тридцатитысячная крымско-ногайская орда.

Между тем, в 1633 г. государю били челом даже московские дворяне (то есть высший слой дворянства), что на войну идти не могут, так как у одних нет земли, у других есть – да без крестьян, у третьих – крестьян по 5-6 душ. Правительство эти челобитные внимательно изучило и пришло к выводу, что помещик может служить только с 15 крестьянами. Сами же служилые люди доказывали, что у каждого из них должно быть не менее 50 крепостных [13. С. 352]. Из челобитных 1641 г. видно, что многие провинциальные дворяне были настолько бедны, что шли в холопы к более богатым дворянам. В середине XVII в. 38,4% дворян оставались беспоместными, 58,2% – мелкопоместными [14. С. 135].

Точное число дворян к 1649 г. (когда Земский собор принял решение о закреплении крестьян) не известно. По «Смете всяких служилых людей» 1651 г. дворян и детей боярских было 37763 [15. С. 410]. Если эти 37 тыс. умножить на 50 запрашиваемых ими крепостных, то крепостными должно было стать более 1,5 млн. крестьян. Причем под крепостными понимались тогда только мужчины. Следовательно, в действительности крепостными должны были оказаться еще 1,5 женщин и приблизительно 3 миллиона их детей. Запрос был явно не реальным.

К этому времени принцип комплектования армии уже изменился: место дворянской поместной конницы стали занимать полки «нового строя». (К началу и в ходе Смоленской войной 1632-1634 гг. царское правительство сформировало 10 таких полков численностью до 17 тыс. человек). Но поместная конница еще играла заметную роль.

В 1648 г. в Москве вспыхнул «соляной бунт». К посадским-москвичам примкнула часть дворян, собранных из других уездов для похода на очередную войну. Помимо учиненных погромов, восставшие обратились к царю с челобитной о созыве Земского собора. Вместо того чтобы отправиться в поход, многие из дворян остались в Москве дожидаться Земского Собора. Для правительства сложилась сложная ситуация, поскольку все оставшиеся были вооружены. Б.Д. Греков отмечал, что на собравшемся в сентябре Соборе правительство буквально капитулировало перед дворянами: глава XI Соборного Уложения в некоторых местах текстуально совпадает с дворянскими челобитными [16. С. 374]. Были удовлетворены практически все челобитные и главное из них – введено крепостное право. Проблема со «служилыми по отечеству» была решена.

Между тем, для содержания же полков «нового строя» требовалось совершенствование фискальной политики. Отчасти для этого, но главным образом потому, что перед государством стояло большое число и других задач, в 1658 г. за переезд посадских из города в город ради уклонения от налогов была введена смертная казнь. Социальная система Московской Руси завершила свое юридическое оформление.

Итак, социально-политические процессы XVI – XVII вв. в истории России, конечно, были не тектоническим сдвигом, а логическим результатом сформировавшихся ранее

тенденций. Еще В.О. Ключевский писал относительно установления Соборным Уложением 1649 г. крепостного права, что и в XVI и в XV вв. в законодательстве можно заметить стремление прикрепить к земле казенных дворцовых и черных крестьян. «Следы этого стремле-

ния заметны гораздо раньше предполагаемого общего прикрепления крестьян, еще в удельные века» [17. С.170 – 171]. Так что усложнение внешнеполитического положения в XVI – XVII вв. стало лишь катализатором уже сложившихся тенденций.

Библиография:

1. Платонов С. Ф. Полный курс лекций по русской истории. АСТ АСТРЕЛЬ. 2006. – 704 с.
2. Земцов Б.Н. История отечественного государства и права. Учебное пособие. М., Норма. – 592 с. 14.
3. Волков В.А. Войны и войска Московского государства (конец XV- первая половина XVII вв.). М., Эксмо Алгоритм. 2004. – 469.
4. Любин А.Н. К вопросу о численности вооруженных сил Российского государства в XVI в. // Studia Slavica et Balcanistica Petropolitana. Петербургские славянские и балканские исследования. 2009. № 1 (5/6). С. 45 – 78.
5. Греков Б.Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. Т. 2. М., 1954. – 469 с.
6. Ключевский В. О. Сочинения в 9 томах. Т. 8. М., Мысль. 1990. – 443 с.

References (transliterated):

1. Platonov S. F. Polnyi kurs lektsii po russkoi istorii. AST ASTREL'. 2006. – 704 s.
2. Zemtsov B.N. Istorija otechestvennogo gosudarstva i prava. Uchebnoe posobie. M., Norma. – 592 s.
3. Volkov V.A. Voyny i voiska Moskovskogo gosudarstva (konets XV- pervaya polovina XVII vv.). M., Eksmo Algoritm. 2004. – 469.
4. Lyubin A.N. K voprosu o chislennosti vooruzhennykh sil Rossiiskogo gosudarstva v XVI v. // Studia Slavica et Balcanistica Petropolitana. Peterburgskie slavyanskije i balkanskije issledovaniya. 2009. № 1 (5/6). S. 45 – 78.
5. Grekov B.D. Krest'yanje na Rusi s drevneishikh vremen do XVII veka. T. 2. M., 1954. – 469 s.
6. Klyuchevskii V. O. Sochineniya v 9 tomakh. T. 8. M., Mysl'. 1990. – 443 s.